

УДК: 72.033

ББК: 85.113 (4)

DOI: 10.18688/aa2212-10-68

С. В. Мальцева

Строители Милутина и Душана как проводники имперской идеологии в Македонии¹

В конце XIII в. в правление Стефана Милутина (1282–1321) сербы расширяют свои владения за счёт значительной части византийских территорий. Постепенно вырабатывается новая концепция сербского государства на основе имперской идеологии, которая разовьётся в полной мере при царе сербов и греков, Стефане Душане Сильном (1331–1355) [47; 51]. С появлением сербов на северо-македонских землях уже на рубеже XIII–XIV вв. разворачивается активная строительная деятельность, возводятся крупные крепости, поновляются древние церкви [3]. Значительная часть построек сохранилась и является предметом интереса историков сербской и византийской архитектуры уже более столетия, однако целостной картины этого периода до сих пор не сложилось. Рассматриваемая группа памятников обнаруживает типологический разброс, разномасштабность и значительное стилистическое разнообразие. С начала XIV в. в сербском церковном строительстве впервые получает распространение типология крестово-купольного храма со свободно стоящими опорами, византийская стилистика архитектурно-декоративных программ и техники кладки [4].

Первый опыт обобщения этого архитектурного материала в начале XX в. осуществил Г. Милле. Постройки, возведённые в первой половине XIV в. сербскими заказчиками, были выделены в «сербско-византийскую школу». При этом, часть крупных исторически и художественно значимых памятников, выпадающих из общего стилового единства, оказались в числе исключений (ц. Св. Стефана в Баньске, ц. Пантократора в Дечанах, монастырь Архангелов под Призреном) [65, с. 89–151]. Войслав Корач избрал иной принцип рассмотрения и сгруппировал северо-македонские церкви XIV в. по территориальному принципу в «вардарскую группу», что позволило объединить стилистически неоднородные постройки, однако самые крупные и значимые задужбины сербских правителей в Косово и Метохии вновь оказались за рамками рассмотрения [19]. Большинство исследователей сосредоточились на вопросах смещения стилистической парадигмы сербской архитектуры первой половины XIV столетия в сторону византийской практики и сравнивали храмы времени правления королей Милутина и Душана с Константинополем, Салониками, Эпиром [18; 19; 20; 41; 42; 44; 48; 50; 52; 54; 59]. В историографии прочно утвердилось предположение, что именно салоницкая

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 20-18-00294 «Художественные традиции и церковно-политическая идеология в средневековой архитектуре и искусстве Балкан. Македонский вопрос».

традиция сыграла ключевую роль в формировании архитектурных решений сербского зодчества первой половины XIV в. [36, с. 87–89; 60]. Строительные инициативы Милутина С. Чурчич понимал как полное погружение в художественный мир Византии, поэтому акцентирование сербской специфики в развитии архитектуры в северо-македонских областях этого периода видел несостоятельным [52, с. 37–42; 70]. Большая группа памятников была объединена под так называемой «стилистической парадигмой» Скопье. По мнению Чурчича, когда Салоники в конце первой четверти XIV в. уже утрачивают свою архитектурную активность, центр строительных инициатив перемещается в Скопье [61, с. 636]. Эти идеи получают дальнейшее развитие в работах Е. Богданович, которая обозначит группу церквей, возведённых в областях Северной Македонии, понятием «Скопская школа» [57]. Дискуссия о точности данных определений продолжается в науке до сих пор.

В нашем исследовании мы попытаемся проследить характер архитектурных решений церковных построек основной линии, возведённых по заказу сербских правителей в первой половине XIV в. на северо-македонских, сопредельных им косовских и рашских территориях, а также за пределами Сербии, на Афоне и в Салониках. Надеемся, что такой ракурс рассмотрения даст возможность восстановить полноту картины развития сербского зодчества рассматриваемого периода на македонских территориях, а также позволит проследить логику сербских заказчиков, опиравшихся на опыт предшествующей рашской традиции, но уже в новых обстоятельствах церковно-политической истории, когда Сербия находилась на пике своей политической активности.

Чтобы лучше понимать характер церковного строительства, инициированного сербскими заказчиками на македонских землях, кратко обратимся к истории архитектурной традиции этого региона до его завоевания Милутиным.

После заката раннехристианского зодчества на Балканах условия для возрождения масштабного храмового строительства появляются в области Северной Македонии только после разгрома Первого Болгарского царства Василием II Болгаробойцей. Основанная в 1019 г. Охридская архиепископия становится главной консолидирующей силой для многонационального населения в этой части Балкан [16; 29; 46]. Самый широкий региональный охват приходится на XI век, когда границы охридской епархии простираются за пределы Северной Македонии и в её состав входит 31 епископия. В этот период разворачивается масштабное церковное строительство. Наряду с крестово-купольными церквями, вновь актуальными оказываются и базилики, позволяющие местным артелям строить большие вместительные храмы [31]. Постройки зодчих столетнего уровня встречаются в XI–XII вв. нечасто и обычно связаны с ктиторами особого статуса, имевшими возможность пригласить мастеров из византийских художественных центров (Велюса, Бачково, Нерези (верхние зоны), Колуша, Сапарева Баня, Куршумлия) [32].

К концу XII в. стремление сербов и болгар к независимости приводит к конфронтации с греками, строительная активность в большей части областей практически затухает. В XIII в., когда Константинополь захвачен латинянами (1204–1261), а на других византийских территориях идет раздел политического наследства, в борьбу за север Македонии вступают Никея и Эпир [61, с. 599]. Охридская архиепископия и в этот пе-

риод остаётся главным оплотом византийского присутствия в этих областях Балкан, но под натиском болгар и сербов её территории быстро сокращаются [46]. В 1219 г. из подчинения Охриду выходит сербская церковь, представленная на тот момент автокефальной архиепископией в Жиче (в середине XIII в. перенесена в Печ) [8, с. 10; 17; 22; 61, с. 667–668]. В конце XII — начале XIII в. сербские правители неоднократно захватывают Скопье [36, с. 42], но византийцам пока ещё удаётся возвращать свои земли, и в конце XIII в. вновь активизируется церковное строительство. Охрид и Прилеп становятся ведущими строительными площадками, на которых работают эпирские мастера. После 1290 г., когда Арта начинает приходить в упадок, опытные строительные кадры из Эпира перемещаются в разные регионы византийской ойкумены и вносят значительный вклад в развитие зодчества македонских областей (Салоники, Прилеп, Охрид, Кастория, Верия) [11; 12; 13; 14; 67; 68; 69; 71].

С конца XIII в. значительная часть македонских земель вокруг Скопье окончательно переходит под власть сербского короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321), младшего сына Стефана Уроша I и Елены Анжуйской. Остановить дальнейшее продвижение вглубь македонских территорий грекам удаётся только после заключения в 1299 г. брака с Симонидой, дочерью византийского императора Андроника II [7, с. 747; 35; 37; 51]. К моменту подчинения Северной Македонии, Сербия фактически более века существует в качестве самостоятельного государства, статус которого будет узаконен коронацией Стефана Первовенчанного в 2017 г. [35]. Обособление сербской автокефальной архиепископии из охридского диоцеза в 2019 г. сопровождается строительством кафедрального монастырского храма в Жиче [17; 24; 25]. Возведение этого кафоликона завершило формирование специфической типологии и своеобразного архитектурного направления, известного как «рашская школа». В основе построек этого типа лежит компактный вариант византийского крестово-купольного храма, наос которого фланкируют пониженные прямоугольные объёмы певниц, а к западу он расширяется за счет дополнительной травеи, предназначенной для захоронений, далее следует большой нартекс-лито с капеллами по сторонам [17; 24; 45]. Такая регламентация функциональных зон внутри храма оказывается устойчивой, поскольку отвечает сакральным и символическим аспектам практики почитания сербских святых в задужбинах-усыпальницах правителей и церковных иерархов. Сложение сербской архитектуры в XIII в. происходит в условиях стагнации архитектурного развития в большинстве регионов Византийской империи в связи с политическим кризисом, обусловленным захватом Константинополя латинянами. Сербским правителям в это время удавалось привлекать греческих живописцев самого высокого уровня, но византийские мастера в XIII в. на рашских землях больше не появлялись [23]². В большинстве случаев строителями были зодчие Адриатического Приморья, работавшие преимущественно в камне различной степени обработки. Масштаб и облик церковных построек отражали статус правителя и его идеологические ориентиры [22; 45], так складывалась региональная традиция.

² С работой византийских зодчих уверенно можно связать церковь Св. Николая в Куршумлии (ок. 1166 г.) и кафоликон монастыря Студеницы (кон. XII в.).

Мир с Византией, заключенный в 1299 г., с одной стороны, позволил сербам сохранить все завоёванные территории, а с другой — должен был привести к обострению политических амбиций. Обряд венчания сербского короля с дочерью Андронника II Палеолога и реформа придворного этикета, блестяще проведённые константинопольским вельможей Феодором Метохитом, отметившим в оставленном им описании чрезмерное тщеславие и блеск костюма сербского короля в уподобление византийскому императору, вполне проявили имперский характер сербских культурно-политических инициатив. О ктиторской щедрости и поистине королевском богатстве удачливого завоевателя из рода Неманичей повествуют и сербские и византийские источники [35; 37; 39; 43]³.

В тексте жития Милутина, написанного архиепископом Даниилом II, перечисляются десятки храмов, возведенных им не только на новых, завоеванных Сербией византийских землях, но и далеко за её пределами (Константинополь, Салоники, Святая Земля) [43]⁴. Однако первый опыт ктиторской деятельности Милутина связан со строительством одного из последних и самых высоких храмов Рашки, Св. Ахилия в Арилье (до 1296) [61, с. 656–657] (Илл. 105). Милутин участвует в возведении задужбины своего старшего брата Стефана Драгутина, от которого получает власть и корону⁵.

В большинстве случаев Милутин строит на старых основаниях, либо поновляет более древние церкви, при этом нередко частично сохраняет первоначальные конструкции и посвящение.

Вскоре после заключения мирного договора с Андронником II о присоединении к Сербии скопского региона (1299), когда Милутин устанавливает тесные контакты с Салониками, им поновляется несколько церквей, среди которых кафедральный собор Богородицы Треручицы в центре Скопья, возведенный византийцами в границах Охридской архиепископии ещё в XI в. [61, с. 636]. Из построек этого времени сохранилась только одна — Св. Никиты в Чучере (ок. 1307) (Илл. 106), возведенная на основаниях старой церкви в районе Скопской Чёрной горы [36, с. 51]. Перестройка небольшого храма, расположенного в уединённом и отдалённом от Скопья месте может быть обусловлена значением первоначального храма. По предположению М. Марковича, нельзя исключать, что старая церковь XIII века была возведена в ходе первых завоеваний этих земель Стефаном Неманей или Стефаном Первовенчанным, а Милутин присоединив эти территории, возрождает монастырский храм своих предков [36, с. 42–50].

Однако архитектурное решение Св. Никиты в Чучере, как и строительная техника, в византийском стиле, свидетельствуют о начале нового этапа в истории сербской архитектуры, которая разворачивается теперь на македонских территориях. Это небольшой кубического объёма одноглавый одноапсидный крестово-купольный храм на четырёх квадратных столбах, без нартекса, с выделенными на уровне сводов рукавами креста и довольно простой артикуляцией фасадов тройными слепыми арками при минимальном использовании керамопластического декора. Даже на восточном фасаде, ко-

³ *Метохит, Теодор*. На двору српског краља Милутина. Београд: Итака, 1998. 96 с.

⁴ Живот краља Милутина // Архиепископ Данило II. Животи краљева и архиепископа српских. Београд: Српска књижевна задруга; Просвета, 1988. С. 109–150.

⁵ На ктиторской композиции в Арилье Драгутин и Милутин изображаются вместе как соправители.

торый обычно украшается наряднее остальных, декор присутствует не во всех арках и появляется лишь в верхних зонах. Мотивы декора сводятся к простым геометрическим плетенкам (ромбовидная и крестовая сетка), находящим ближайшие аналоги на абсиде Св. Екатерины в Салониках. Именно элементы оформления фасадов сближают эту постройку с салоницкой традицией рубежа XIII–XIV вв. (ц. Св. Пантелеймона, ц. Св. Екатерины) [9; 10; 69]. В частности, граненая форма барабана с полуколонками, уступчатая профилировка окон с обводкой кирпичным поребриком, структура артикуляции абсиды пятью высокими плоскими нишами и мотивы орнаментов их заполнения. Широко расставленные в интерьере опоры и утопленные в толщу восточной стены боковые абсиды — черты, также указывающие на возможную связь с салоницкой традицией. Перечисленные особенности встречаются в различных памятниках Салоник, вместе с тем, ни один из них в целом нельзя сопоставить с небольшим одноглавым, не имеющим галерей храмом в Чучере. Решение абсиды с наложением узких длинных арок, которое используется в ц. Св. Никиты близ Скопья, в Салониках находим не ранее церкви Апостолов (1310–1314), что оказывается позже даты возведения милутиновского храма (ок. 1307), предложенной Марковичем на основании письменных источников [36, с. 51–53].

Вместе с тем, помимо особенностей, которые можно связать с традицией Салоник, в архитектуре Чучера есть черты, которые скорее свойственны провинциальной архитектуре: одинарное окно главной абсиды, минимализм в декоре и сохранение равномерно-полосатой кладки, отсутствие полуколонк на гранях абсиды, в интерьере — замена колонн столбами квадратного сечения, отсутствие полноценной вимы, намеченной лишь незначительным расширением в зоне предабсидной стены. В качестве яркой особенности, сближающей Чучер с Салониками, исследователи отмечали оформление граненого барабана кирпичными полуколонками [36, с. 87–89], известными уже в средне-византийский период (Панагия тон Халкеон (1028), а также Константинополь, Никея и др.). Однако похожий вариант оформления барабанов полуколонками можно встретить и в самом Скопье (ц. Св. Пантелеймона в Нерези (сер. XII в.)). Заметим, что в ц. Св. Никиты полуколонки граней барабана не имеют в своем завершении характерных импостов, в виде выступающей плинфы, как обычно бывает в храмах Салоник⁶. Отмеченные особенности говорят о том, что архитектурное решение церкви в Чучере можно рассматривать в качестве свободной интерпретации салоницкой архитектурной традиции с заметным упрощением форм, возможно, связанным с работой местной строительной артели. Архитектурный образ этого памятника является важным свидетельством усвоения византийской традиции в сербских заказах эпохи Милутина. Позже этот храм станет образцом строительства небольших задужбин для средней аристократии Душанового царства.

Дальнейшее приобщение к формам византийской архитектуры будет продолжено на Афоне при возведении на старых основаниях нового кафоликона сербского монастыря Хиландар (1300–1303 или 1306–1311) [61, с. 654–655, 21, с. 226]. Здесь Милутин также

⁶ Барабан храма и окна первоначальные, об этом свидетельствуют интерьерные росписи в откосах. На фотографии Милле, сделанной в 1906 г., барабаны храма выглядят также.

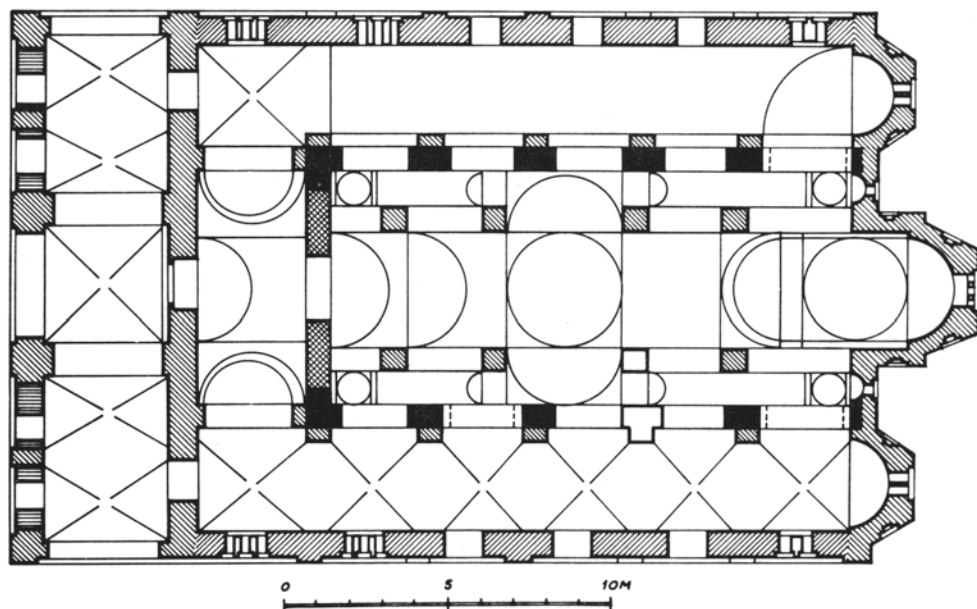

Рис. 1. Церковь Богородицы Левишки в Призрене, план после перестройки 1307 г. [38, Таб. IV]

продолжает дело святых предков Свв. Симеона Немани и Саввы, которые обустроивали этот монастырь в конце XII в. К масштабному обновлению Милутина относится расширение монастырских стен, строительство трапезной и надстройка верхних этажей хиландарского пирга с часовней⁷. Кафоликон с посвящением Введению Богородицы во храм и в типологии святогорского триконха обладает всеми чертами столичной архитектуры и, как полагают исследователи, может быть связан с традицией самого Константинополя или её продолжением в Никее [21, с.226]. Вероятно, для приглашения мастеров такого высокого уровня использовались афонские связи со столицей или крупными художественными центрами Византии, где продолжали своё развитие константинопольские традиции зодчества. Использование при перестройке храма композиции триконха, хорошо известной на Афоне, свидетельствует о том, что строительство велось в соответствии с замыслом и под руководством игумена Хиландара, Даниила, впоследствии участвовавшего и в осуществлении других проектов Милутина за пределами Святой Горы.

Параллельно с возведением Хиландара, и Чучера Милутин разворачивает один из самых крупных проектов — реконструкцию кафедрального храма епископии в Призрене (1307) (Рис. 1, Илл. 107) [41; 44]. В данном случае дата постройки, имена ктитора, основных кураторов строительства и даже главного мастера известны по нескольким надписям на фасадах и в интерьере [8 с. 11–13; 41, с. 25–32]. В храмозданной надписи на

⁷ Строительство разворачивается и за пределами монастыря (пирг «Милутина», двухэтажная усыпальница). Подробнее см.: [61, с. 654–655, 21, с. 226].

восточном фасаде ктитором назван Стефан Урош II Милутин — правнук святого Симеона Немани и зять греческого императора Андроника Палеолога поновил храм Богородицы Левишки от самого основания вместе с призренским священником Дамианом. Отмечена и роль призренского епископа Саввы, имя которого четыре раза встречается на плинфе фасадов церкви и башни⁸. Имена мастеров, строителя и живописца — Николы и Астропы, открыты в экзонартексе храма [41, с. 25–29].

В союзе с призренским духовенством Милутин значительно перестраивает возведенную в XI в. трёхнефную базилику, принадлежавшую Охридской архиепископии. В 1219 г. этот кафедральный храм переходит в подчинение сербской Жичской архиепископии. При Св. Савве Сербском базилика получила незначительные вычинки и была сохранена в статусе кафедрального собора теперь уже Призренской епископии, после её отложения от Охрида [41, с. 43].

Таким образом, и в данном случае Милутин продолжает дело своих славных предков по благоустройству древней епископии косовских областей. Результатом его масштабной перестройки становится превращение базилики в большой крестово-купольный пятиглавый храм, с галереями. Новые части здания возводятся в границах старых оснований с сохранением фрагментов кладки и общей конфигурации плана [41, с. 68–70; 61, с. 645–648]. По данным археологических работ, проведенных на памятнике в 1950-е годы, крестово-купольное ядро со свободно стоящими опорами встраивается только в широкий центральный неф первоначальной базилики, тогда как боковые нефы превращаются в галереи, объединенные в западной части нартексом. Двухэтажный нартекс и экзонартекс с высокой башней-звонницей также являются результатом существенной перестройки западной части старой базилики [41, с. 43–52]. На востоке — протяжённый центральный неф преобразуется в виму, перекрытую глухим куполом. Три абсиды, перестроенные на старых основаниях с изменением конфигурации, завершают композицию восточного фасада.

При реконструкции ц. Богородицы Левишки впервые в зодчестве, связанном с сербскими заказчиками, появляется пятикупольная композиция завершения. Добавление малых глав и обнесение храма галереями исследователи, как правило, связывали с Салониками, где такая типология получает распространение с конца XIII в. [54; 61, с. 600–602]. В случае с Левишкой мы видим иные причины выбора такого решения. В первую очередь, пятикупольная композиция обусловлена необходимостью компенсации значительной протяженности плана первоначальной постройки. Очевидно, что в выборе оптимального для такой задачи архитектурного решения Милутин руководствовался и идеологическими причинами, стремился создать богато декорированный крестово-купольный храм, не уступающий другим крупным политическим центрам византийской ойкумены. Храмовданная надпись собора свидетельствует, что Милутин в своих имперских амбициях видел себя одним из значимых действующих лиц эпохи, претендующим на освоение византийского наследия наравне с Артой, Салониками, Мистрой. На рубеже XIII–XIV вв. пятиглавие и галереи, известные ещё в средневизантийской

⁸ Надпись о вкладе призренского епископа Саввы в обновление церкви находится рядом с его изображением на фреске в интерьере. Подробнее см.: [36, с. 26–28].

архитектуре Константинополя [53; 54, с. 78], становятся востребованы и утверждаются в городах, претендующих на роль наследников константинопольского политического могущества (Панагия Паригоритисса в Арте (последняя фаза 1294–1296) [61, с. 567–569; 71] Афендику в Мистре (ок. 1310) [61, с. 589–591; 66], Св. Екатерина (кон. XIII в.) [61, с. 550–552]. Церковь Апостолов (1310–1314), самый яркий памятник Салоник, построенный патриархом Нифонтом, в котором также используется пятикупольная композиция и устраивается трёхсторонний обход галереями, на момент возведения призренского храма ещё не заложен [61, с. 552–554].

Пятикупольные композиции в отдельных регионах получают различные варианты воплощения. Малые главы Левишки широко расставлены над угловыми ячейками встроеного крестово-купольного ядра, тогда как в Салониках боковые купола обычно возвышаются над галереями. Схема расположения глав призренского собора скорее напоминает о постройках Мистры и Арты [61, с. 567–569, 589–591]. Техника кладки и декор ц. Богородицы Левишки также говорят об отсутствии какой-либо связи с салоникискими образцами. Здесь хорошо просматривается «эпирская парадигма» во всех её характерных проявлениях [12]. Об этом уже писали исследователи, которые предполагали участие в постройке Левишки эпирских зодчих, ранее работавших в Охриде в конце XIII в. (Богородица Перивлепта, Иоанна в Канео) [61, с. 648]. Однако стилистические особенности фасадов призренского храма — лапидарность форм, укрупненность пропорций, сильно выступающая жесткими очертаниями трапецевидная абсида с графичным характером артикуляций, принцип распределения декора, не ковровый, а чаще линейный, из керамических фиалостомий, которые словно нитями пронизывают постройку и вышивают мотивы крестов на фасадах — скорее ближе к позднеэпирской традиции конца XIII века, представленной такими храмами, как Като-Панагия близ Арты, Панагия в Вулгарели (1295), нежели Охрида. Кроме того, сомнительной представляется возможность сохранения старой эпирской артели в Охриде и задействования охридских эпирцев для обновления отделившейся Призренской епископии в период нового обострения отношений между Охридской архиепископией и сербской церковью после завоеваний Милутина [1; 6].

Ещё один интересный аспект в архитектурной программе перестройки Левишки обращает нас в сторону Эпира, высокая башня-колокольня над экзонартексом. Её типология и декор указывают на связь с эпирскими традициями, напоминающими церковь Св. Георгия в Оморфоклисии близ Кастории (1295–1317) [61, с. 606], где также с западной стороны к храму примыкает трёхъярусная башня-звонница с кладкой из крупных блоков шлифованного камня, тонко обрамленного плинфой, с характерным включением грубо обработанного ноздристого известняка. Близкими декору Левишки оказываются кресты на фасадах, выложенные фиалостомиями.

Другой пример башни известен над экзонартексом, пристроенным архиепископом Григорием в 1314 г. к Софии Охридской [61, с. 574]. Эта постройка также возведена эпирскими мастерами всего несколькими годами позднее, чем в Левишке. Возведение высоких башен с запада для сербов имело особый смысл. Такие башни, нередко, возвышались над крупными епископиями или особо значимыми постройками (Спас у истока Цетины (IX в.), Джурджевы Ступови в Расе (1171 г.), архиепископия в Жиче (до 1220 г.),

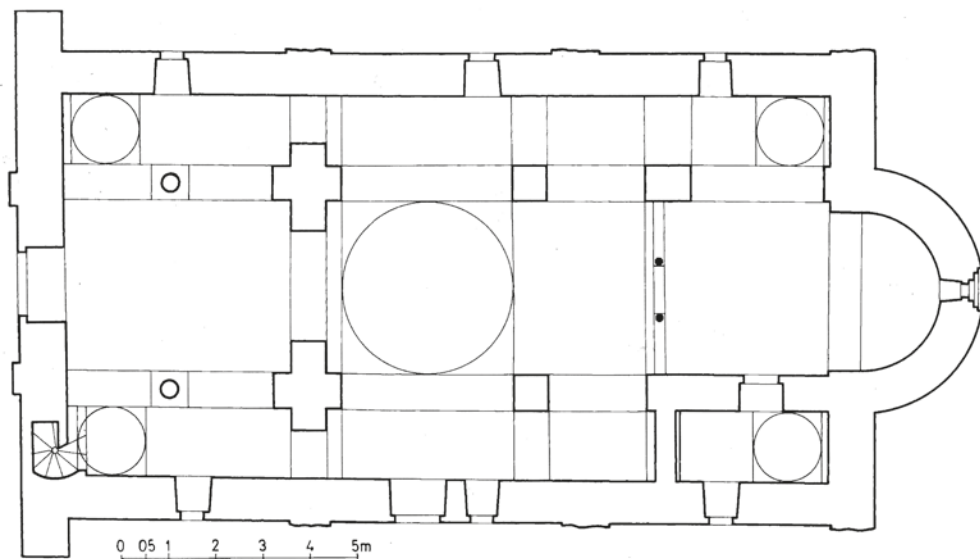

Рис. 2. Церковь Св. Георгия в Старо Нагоричино, план после реконструкции 1313 г. [56, с. 662]

Св. Петра в Белом поле (кон. XII в.) и др.) Возможно, высокая башня над экзонартексом Призренской епископии могла быть возведена в подражание первой архиепископии в Жиче, которую Милутин в это же время возрождает после её разорения в 1240-е гг. [3]. Не кажется случайным, что позднее в 1330-е гг., звонница появится и над открытым экзонартексом Печской патриархии. Для устройства двухэтажного нартекса в Левишке образцом также могли послужить примеры Жичи или Афона, где известны нартексы со сложной структурой в два яруса.

Связь с рашскими традициями заметна в стрельчатом очертании тимпана рукава креста на южном фасаде, который по форме напоминает подпружные арки, часто применявшиеся в рашских храмах XIII в. Пример такой арки можно найти недалеко от Призрена в интерьере церкви Апостолов Печской патриархии в Косово (ок. 1240). Есть и другие более близкие по времени образцы, что не исключает возможности участия в строительстве Левишки мастеров с Адриатического берега, например, тех, которые в конце XIII в. по заказу Драгутина и Милутина возводили Арилье [61, с. 656–657], где также применяются подпружные арки стрельчатой конфигурации. Призрен в первой четверти XIV в. экономически процветает и активно вовлекается в торговлю с Дубровником, что делает вероятным и наличие контактов в архитектурной среде.

Следующий проект Милутина вновь возвращает нас в области Скопья, где перестраивается ещё одна древняя базилика в Старо Нагоричине (Рис. 2, Илл. 108). Реконструкция церкви Св. Георгия (1313), особо почитаемого святого покровителя Милутина [39; 49], осуществляется по образцу призренской Левишки, но в соответствии с меньшим масштабом и протяженностью исходной базилики архитектурный проект несколько упрощается. Это не кафедральный храм, поэтому здесь нет сложной струк-

туры нартексов и башни над ними. Также отсутствует и купольная вима в восточной части. Повторяя идею Левишки, в церкви Св. Георгия верхние части храма решены пятикупольной композицией, однако здесь она встраивается сразу в три нефа базилики, так как центральный оказывается слишком узким, чтобы вместить крестово-купольное ядро. Вдоль южного и северного фасада пристраиваются, вероятно, открытые портики с тремя аркадами. Они изображаются на ктиторской фреске в интерьере, а на фасадах видны следы их примыкания. С запада эти галереи-портики не соединялись между собой отрезком нартекса и не составляли, таким образом, трёхстороннего обхода храма как в храмах Салоник [41, с. 174]. Боковые главы в Старо Нагоричино, как и в Левишке располагаются над углами храма, а не над галереями. Однако масштаб реконструкции оказывается здесь другим, чем в Призрене. В Старо Нагоричине максимально сохраняется объём первоначальной кладки, который учитывается в новом композиционном замысле. Древние части храмы выложены из крупных блоков гладко тёсанного камня, что создаёт контраст с полихромным кирпичным верхом постройки. Мы поддерживаем точку зрения С. Ненадовича, полагавшего, что здесь работали те же эпирыцы, что в Левишке, но, возможно, артель была задействована не в полном составе [41, с. 173–175]. Обширный в соответствии с рашскими традициями нартекс церкви Св. Георгия помещается в западной части первоначальной базилики, но при этом, разделение на нартекс, наос и алтарную зону происходит без устройства поперечных стен на уровне пола, а только за счет разной высоты подъема арок над проёмами. Западные опорные столпы получают значительное расширение, крестообразно примыкающими лопатками.

Верхние зоны Нагоричино отличает более объёмная, чем в Призрене, пластика фасадов с уступчатыми профилировками тимпанов рукавов креста. Вероятно, такое решение обусловлено наличием сильно выступающих лопаток, которыми артикулированы древние части здания. Мастерам нужно было согласовать заметный на гладких поверхностях фасадов вынос лопаток с новой кладкой верха.

Как повествуют источники, Милутин строил и за пределами сербских [35; 37; 39; 43] земель. В византийских Салониках, которые после заключения мира с Сербией (1299) становятся союзными, сербский король известен в роли ктитора двух базилик, Николая Орфаноса [61, с. 555] и, как показали совсем недавние археологические исследования, церкви Таксиархов [21, с. 238] в верхнем городе. Обе постройки, по мнению большинства ученых, относятся ко времени до 1316 г. [21, с. 238]. Ранее храм Таксиархов был метохом Хиландара с посвящением Св. Георгию, что объясняет интерес сербского короля к поновлению этой постройки на старых основаниях. Опыт строительства Милутина в Салониках показывает отсутствие возможности новаторских экспериментов. Подземная крипта храма полностью сохраняется, а наземная часть обновляется, сохраняя простую базиликальную типологию, сходную с Николаем Орфаносом. Характерной деятельностью Милутина в Салониках ещё раз убеждает в том, что масштаб влияния салоникинской традиции на сербскую архитектуру первой половины XIV в. в историографии преувеличен.

Сербский король находит и иные источники вдохновения среди старых рашских задужбин своих предков. После завершения строительных работ на Афоне, Милутин

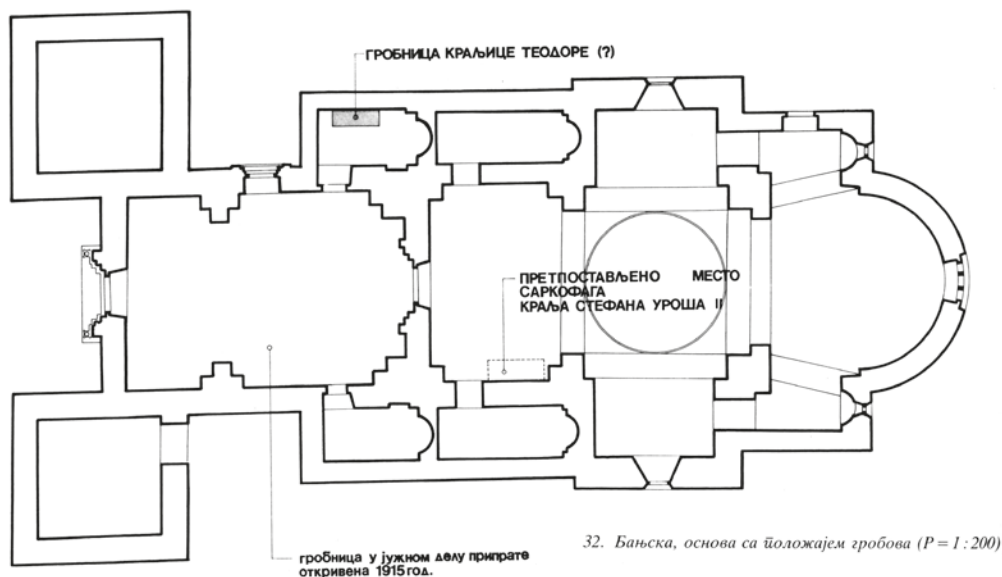

Рис. 3. Церковь Св. Стефана в Баньске, 1316 г. План [56, с. 658]

поручает игумену Хиландара, Даниилу, курировать строительство собственной задужбины в Баньске (1312–1316) (Рис. 3, Илл. 109) [56]. Возведение кафоликона связано с учреждением Милутиным новой Баньской епископии, которое привело к реорганизации церковного подчинения в этом регионе ещё в конце XIII в. [21, с. 198]. И посвящение храма Св. Стефану, небесному покровителю сербских правителей, и стилистическое решение богато украшенного храма, свидетельствуют об особом значении постройки. В этом проекте Милутин ориентировался на старые рашские традиции, подчеркивая преемственность Студенице, задужбине первого правителя Св. Симеона Немани, и постройкам своих родителей, Уроша I (Сопочаны) и Елены Анжуйской (Градац). При этом, для строительства храма Милутин привлекает хороших греческих мастеров, которые строят из плинфы в византийской строительной технике, и приморских каменщиков, создавших тщательно выглаженную полихромную облицовку из трёх различных сортов мрамора. Приморские резчики богато украсили храм каменными рельефами и поместили скульптурное изображение Богородицы в тимпан западного портала в подражание решению главного входа кафоликона Студеницы. Композиция из двух башен фланкирует нартекс храма и напоминает вариант, использованный при строительстве т.н. Столпов Св. Георгия (Джурджевы Ступови) в Расе (1171). Этот храм был возведен родоначальником святородной династии, Стефаном Неманей, по данному им обету после утверждения на престоле и завоевания части северо-македонских территорий. К концу XII — началу XIII в. композиция из двух башен у западного фасада, по образцу храма Немани, станет символом княжеской власти, и башни будут пристроены к ста-

рому храму Св. Николая в Куршумлии, возведены в церкви Св. Петра в Белом Поле, задужбине князя Мирослава (кон. XII в.).

Возведение башен, похожих на Джурджевы Ступови, могло быть продиктовано и конкретными обстоятельствами. Милутин, получивший при поддержке церковных иерархов корону от старшего брата, вынужден был отстаивать власть у оспаривавших её наследников Драгутина [37].

После передачи трона Драгутин, заявляя о приоритетном праве наследования трона Св. Симеона Немани по линии его сыновей, устраивает себе усыпальницу (капелла Драгутина (ок. 1283)) напротив входа в церковь Св. Георгия (Джурджевы Ступови). В иконографии росписей этой небольшой капеллы находит отражение идеологическая программа ктиторов, утверждающая сакральность власти и легитимность её передачи соправителю в лице младшего брата Милутина [39]. По всей вероятности, возведением в Баньской двух башен, фланкирующих нартекс храма Св. Стефана, сербский король рассчитывал продемонстрировать свои права на престол и одновременно акцентировать епископский статус монастыря. Устройству своей задужбины-усыпальницы в Баньске Милутин уделил большое внимание, и этот проект становится площадкой для архитектурных экспериментов, где объединили свои усилия строители как византийской традиции, так и приморского региона.

Особое почитание Милутиным усыпальницы родоначальника святородной династии Неманичей ещё раз проявилось в строительстве Кральевой церкви (Иакима и Анны, ок. 1314) [61, с. 666–667; 62] (Илл. 111) на территории монастыря Студеницы рядом с древним кафоликоном. Совсем небольшой храм-капелла в своих формах уподоблен главному храму — зального типа постройка, без свободно стоящих опор с красным куполом и белеными фасадами четверика, повторяющими цвета купола и фасада рядом стоящего образца. Техника кладки и отдельные строительные приёмы свидетельствуют об участии эфирских строителей [62, с. 136]. Однако композиция ступенчато организованных сводов, с подпружной аркой, поднятой на консольках (Илл. 112), характерна скорее для рашской традиции (Милешево, Апостолы в Пече и др.), что позволяет предположить привлечение также и местных мастеров.

Церковь Успения Богородицы в Грачанице (Рис. 4, Илл. 110), возведенная до 1321 г. в Косово близ Приштины, завершает историю храмового строительства при сербском короле Милутине и является его наиболее ярким в художественном отношении архитектурным проектом [33]. Схема, восходящая к церкви Богородицы в Левишке, в Грачанице в значительной степени переосмысливается ради создания динамичной архитектурной композиции, которая отдаляет примененное здесь решение как от эфирских, так и от салоницких образцов. Это хорошо заметно и в интерьере церкви, и во внешнем облике постройки. О том, что на строительстве Грачаницы работали не только византийские мастера, свидетельствует целый ряд особенностей. Как замысел этой пирамидальной композиции, так и обеспечивающие её конструктивные приёмы, такие как ступенчато повышающиеся своды, не находят аналогий в византийской архитектуре палеологовского периода. Детальному анализу архитектурных особенностей этого храма мы посвятили отдельную статью [33], поэтому здесь скажем только о значении этого памятника, в архитектурном решении которого соединились традиции разных балкан-

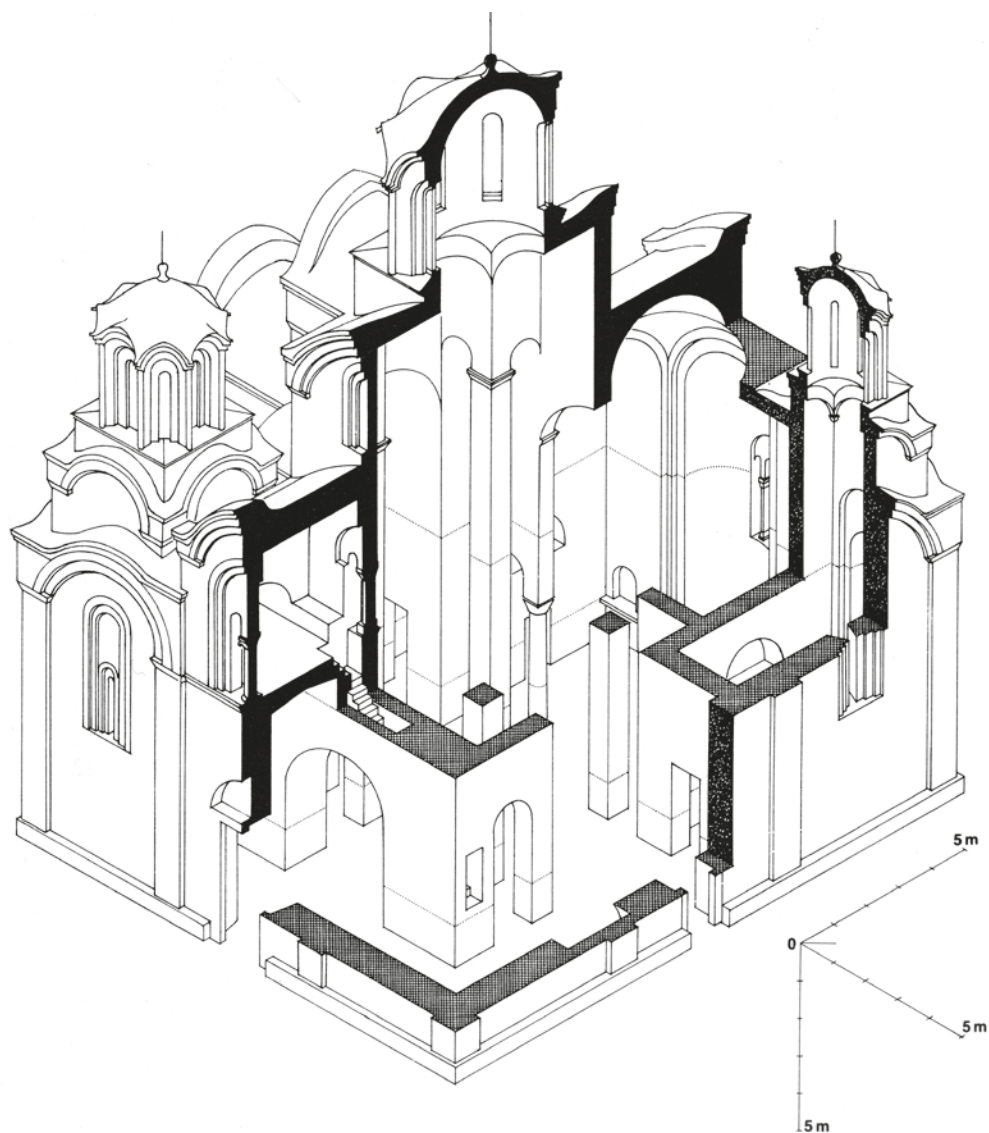

Рис. 4. Церковь Успения в Грачанице, ок. 1321 г. Аксонометрический разрез [56, с. 666]

ских центров, Салоник, Эпира, Косовских областей и Адриатического Приморья. При возведении храма в Грачанице сербская архитектура обретает собственную площадку для экспериментов, на которой скрещиваются и творчески перерабатываются различные идеи и приёмы [33, с. 46]. Рашские приделы и певницы по-прежнему находят место в новых архитектурных условиях. Строительство по образцу силами артелей, принадлежащих к другой архитектурной традиции, чем оригинал, было нередким яв-

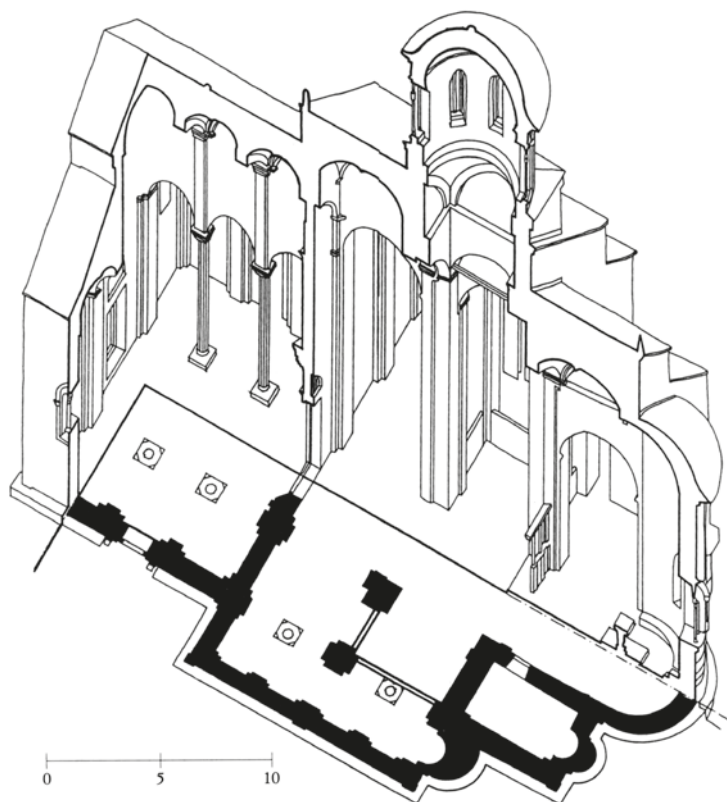

Рис. 5. Церковь Пантократора монастыря Дечаны, после 1329 г. Аксонометрический разрез [56, с. 661]

лением в опыте сербских заказчиков как предшествующего рашского периода, так и в последующие десятилетия. Многие постройки Милутина послужат образцами для следующих поколений его наследников, которые продолжают плодотворный синтез сербских и византийских традиций при возведении своих задужбин.

Следующий период, когда на сербский престол восходит Стефан Урош III Дечанский (после 1321–1331), ранее правивший в Зете (Котор). После, обвиненный в заговоре против своего отца Милутина, Стефан был ослеплен и затем выдворен в Константинополь. Сербского престола этот правитель достиг в жёсткой конкурентной борьбе с младшим братом Константином и другими претендентами, поддерживаемыми Дубровником. Позиции Стефана Дечанского, как и его отца, укрепляла сербская церковь, и в своей политике он многое унаследовал от Милутина. Имперские амбиции проявились в войнах с греками, болгарами и Дубровником [34]. Ему удалось расширить границы государства и проявить себя сильным политиком, наследником славных Неманичей. Правление Стефана Дечанского было недолгим, однако масштаб и архитектурное решение его задужбины впечатляют. Церковь Пантократора в монастыре Де-

чаны (1327–1335) (Рис. 5, Илл. 113) [50; 63] стала самой крупной постройкой сербских правителей, в которой ещё более отчетливо проступила сербская архитектурная специфика, возвращающая к рашским традициям [61, с. 659–661]. Необычное типологическое решение, в основе храма пятинефная базилика, обусловлено распространением готических влияний, привнесенных архитектором постройки, францисканским монахом Фра Вита из Котора. Его имя известно из надписи над южным порталом церкви. Кафоликон Дечан стал ещё одним примером оригинального синтеза разных архитектурных традиций, направляемого ктиторовской программой. Такая глубина проникновения западноевропейской традиции ранее не была известна в сербской истории зодчества. Однако здесь она оказалась значительно переосмыслена и послужила основой для воплощения специфически сербской программы. Уже в наружном облике кафоликона Дечан легко узнаются традиционные черты рашского храма, которые в интерьере получают весьма оригинальную реализацию в формах поздней готики [27, с. 188–189]. К рашским особенностям можно отнести и принципы распределения функционально значимых зон в интерьере, и организацию объёмно-пространственного решения со значительной протяженностью фасадов, и выделение центрального подкупольного ядра на квадратном постаменте, акцентирующее вертикальную ориентацию композиции и её ступенчатый характер. Декор дечанского храма особенно сближает его со Студеницей, по-прежнему значимым образцом и в этот период [27, с. 188; 33]. Мраморная облицовка, обилие каменной резьбы, украшающей порталы, заполнение тимпана алтарной трифоры рельефами с характерной иконографией оказываются буквально цитатами из Студеницы.

Строительство в этом монастыре было прервано внезапной кончиной Стефана Дечанского и возобновлено уже при свергнувшем его сыне, Стефане Душане. В завершение этот храм получит уникальную программу фресковых росписей и роскошное убранство интерьера, что станет первым ктиторовским вкладом нового сербского короля [38; 40].

В царствование Душана, получившего прозвище Сильный (1331–1346 (король), 1346–1355 (император)) Сербия достигает пика своего могущества на Балканах. Территории многократно расширяются, вся Македония оказывается покорена, в состав царства сербов и ромеев войдет большая часть областей Охридской архиепископии вместе с греческими художественными центрами (Салоники, Арта, Верия, Кастория, Серры и др.) [7, с. 747; 55]. Власть сербского императора простиралась даже до Афона, где он также внёс свой вклад в обновление Хиландара, пристроив к нему большой двухкупольный экзонартекс [58]. Душан, занятый стабилизацией власти на большой территории Балкан и продвижением к константинопольскому престолу, не был столь активным строителем как его дед, король Милутин, однако возведенные по его заказу постройки монастыря Архангелов под Призреном (1343–1347) отличаются достаточно крупным масштабом и интересным архитектурным решением. Душан, неоднократно бывавший в Константинополе, хорошо знал архитектуру столицы, но при строительстве своей задужбины-усыпальницы вдохновлялся и высоким качеством каменщиков Адриатического Приморья. Постройки монастыря Архангелов свидетельствуют о сочетании византийской типологии и приморской техники воплощения [18; 61, с. 661].

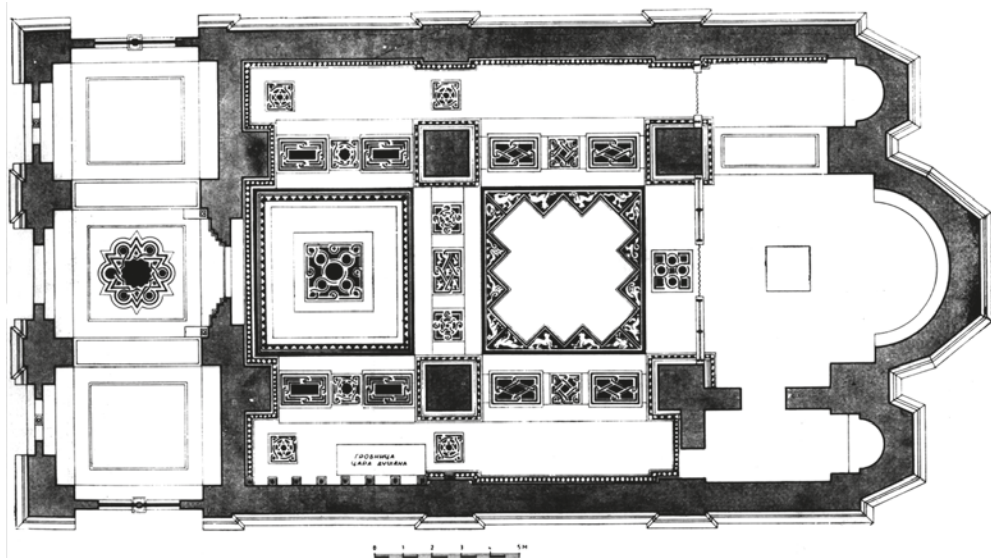

Рис. 6. Церковь Архангела Михаила в монастыре Архангелов под Призреном, ок. 1351 г. План со схемой напольных мозаик [16]

Все здания монастыря разрушены, но их руины всё же позволяют распознать высокий художественный уровень и качество строительного мастерства. Кафоликон, освященный во имя Архангела Михаила, (Рис. 6) представлял собой большой византийский по типологии крестово-купольный храм на четырёх столбах, в продолжение милутиновских традиций увенчанный пятиглавием. С запада к храму примыкал открытый купольный нартекс, напоминающий константинопольские образцы [58]. При этом фасады храма облицованы гладким мрамором и эффектно сочетаются с декоративной каменной пластикой, выполненной резчиками-приморцами. Западный фасад украшало круглое готическое окно-розетка. Для убранства интерьеров заказываются роскошные мозаичные полы, аналоги которым находятся только в искусстве византийской столицы [61, с. 661–662]. Столь эклектичное решение говорит, как о широких возможностях в выборе мастеров, так и о специфических предпочтениях заказчика, ориентированного на синтез различных архитектурных направлений. Найденные здесь оригинальные решения станут образцом для подражания в задужбинах многочисленной душановой аристократии, разместившейся на обширных территориях империи. В разнообразном архитектурном контексте этих построек будут узнаваться характерные черты кафоликона царской задужбины. В постройках крупных аристократов часто воспроизводятся общие принципы композиционного построения церкви Архангела Михаила близ Призрена, получают распространение купольные нартексы, повторяются элементы резного каменного декора, например, круглые окошки-розетки (Марков монастырь (ок. 1341 и после 1371) [61, с. 640–641] (Илл. 114), Лесново (1346–1349) [5; 61, с. 669] (Илл. 115), Матейч (1343–1352) [61, с. 641–643] (Илл. 116). В роли

мастеров, возводивших эти памятники, выступали мастера разных традиций, которые нередко сплачивались в смешанные артели. Такая ситуация типична для истории зодчества палеологовского времени на Балканах и, тем более логична во времена империи Душана, объединившего под своей властью обширные территории с древними художественными традициями [2; 28, с. 304]. К тому же, финансово состоятельные сербские правители были привлекательными заказчиками и создавали условия для консолидации мастеров в рамках своих проектов.

В заказах сербской аристократии среднего достоинства, которая активно включается в церковное строительство уже к концу первой трети XIV в., существенное значение получают региональные традиции, заложенные ещё постройками Милутина. Ближе к рашским областям, в Банье, где сохранился монастырский храм Св. Николая в Дабаре (1329), ориентируются на кафоликон монастыря Баньска [61, с. 658–659]. Эта крестово-купольная постройка целиком сложена из камня и оштукатурена с росписью под кладку, имитирующую мраморную облицовку фасадов церкви Св. Стефана из разноцветных камней в «шашечку». В Дабаре работали местные мастера уже вполне усвоившие новые традиции и создавшие ещё один пример оригинального смешения византийских и региональных архитектурных идей, и техник. Купольный нартекс храма, оформленный открытым портиком с аркадами, появляется здесь в подражание душевной задужбине Архангелов.

В Призрене местные заказчики будут ориентироваться на кафедральный собор Богородицы Левишки. На это указывают архитектурные параметры ряда небольших призренских церквей, более десятка построек, возведенных в XIV в. Из них после серьезных повреждений, связанных с политическими событиями начала нашего столетия, сохранилась только церковь Спаса (ок. 1330) [8, с. 7]. В облике этой постройки узнается архитектурный образ храма Призренской епископии, воплощённый местными мастерами с сокращением масштаба и в несколько огрубленной, но похожей на образец технике кладки.

В областях вокруг Скопья, в котором ближе к середине XIV в. вновь разгорается политическая активность: Душан коронуется на царство, а в архитектуре переплетаются несколько традиций, формируется определённое стилистическое единство, обеспеченное деятельностью нескольких местных артелей (Спаса в Кучевиште (1332–1337), Св. Николы в Люботине (1337) и Николы Шишевского (сер. XIV в.), Св. Архангелов в Штите (1332) и др.) [61, с. 636–640]. В рамках этой региональной традиции, названной в историографии Скопской школой, продолжается синтез уже хорошо известных архитектурных форм. Образцовой постройкой для этого региона становится ц. Св. Никиты в Чучере, возведенная Милутиным в первом десятилетии XIV в. Небольшой масштаб памятника, ясность структуры объёмно-пространственной композиции, артикуляция фасадов крупными арками без соблюдения строгой архитектоники, сдержанный и логично структурированный декор, всё это соответствовало возможностям и вкусам заказчиков из среды скопской аристократии и закономерно нашло продолжение в целом ряде построек региона. В этих малых задужбинах вновь проявляются и рашские черты, как правило, связанные с устройством погребений, большие нартексы и приделы [15; 24; 26; 61, с. 636–637]. Проблемам формирования и развития скопской архитектурной парадигмы, как и вопросам правомерности данного терминологического определения,

посвящено несколько научных публикаций [61, с. 557; 57]. В свою очередь, мы присоединяемся к позиции исследователей, которые в памятниках скопского региона первой половины XIV в. видят проявление региональной традиции, в которой определенное стилистическое сходство достигается за счет ориентации на одни и те же образцы, воплощаемые местными строительными артелями.

В этой статье мы попытались воссоздать картину церковного строительства первой половины XIV в. на северо-македонских территориях и прояснить логику идейной мотивации осуществленных ктиторовских проектов. Архитектурные замыслы сербских правителей оказываются во многом обусловлены имперскими амбициями и ориентированы на яркие образцы в крупных культурно-политических центрах Византии, таких как Константинополь, Арта, Салоники. Отсюда происходит нередко встречающееся в этот период пятиглавие, рассматриваемое заказчиками в качестве концепции храма столичного образца, свидетельствующего о политическом могуществе заказчика. Новые условия, мирный договор с Византией (1299), открыли сербским ктиторах возможности задействовать византийских строителей для возведения своих задужбин. При этом характер воплощения архитектурных решений варьируется и во многом определяется, как конфигурацией первоначальных построек, так и региональными традициями приглашенных зодчих. В этот период византийские формы часто совмещаются с архитектурной спецификой рашских традиций, что приводит к созданию оригинальных решений. К простому воспроизведению отдельных византийских архитектурных парадигм, Салоник или Константинополя, сербское строительство в Македонии не сводилось.

Литература

1. *Атанасовски А.* Охридската архиепископија во XIV век // *Годишен зборник на Филозофскиот факултет.* — 2003. — № 56. — С. 31–46.
2. *Виноградов А. Ю.* О «текучести» средневизантийской строительной артели (на примере императорских заказов 1040-х годов) // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей.* Вып. 9 / Под ред. *А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — МГУ им. М. В. Ломоносова; СПб.: НП-Принт, 2019. — С. 275–285. DOI: 10.18688/aa199-2-25
3. *Војводић Д.* Српска уметност од почетка XIV столећа до пропасти државе Немањина // *Сакрална уметност српских земаља у средњем веку / Ред. Д. Војводић, Д. Поповић.* — Београд, 2016. — С. 271–297.
4. *Воронова А. А.* Особенности «византинизации» сербской архитектуры в эпоху короля Милутина (1281–1321) // *Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства.* — 2017. — Вып. 28. — С. 26–48.
5. *Габелић С.* Манастир Лесново: Историја и сликарство. — Београд: Стубови културе, 1998. — 306 с.
6. *Грозданов Ц.* Охрид и Охридската архиепископија во XIV век // *Историја.* — 1980. — Вып. 16.1. — С. 157–187.
7. *Гусев Н. С.* Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX — начале XX века // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей.* Вып. 10 / Под ред. *А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — МГУ им. М. В. Ломоносова; СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 740–754. DOI: 10.18688/aa200-7-70
8. *Давидов-Темерински А.* Богородица Љвешка у Призрену. — Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 2017. — 79 с.

9. *Заворина М. Л.* Палеологовское зодчество Салоник в контексте проблематики поздневизантийской архитектуры: историографический обзор // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — МГУ им. М. В. Ломоносова; СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 772–786. DOI: 10.18688/aa200-7-72
10. *Заворина М. Л.* Фасадная декорация палеологовских храмов Салоник: специфика и эволюция локального метода // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* — 2020. — Т. 28, № 2. — С. 73–88. DOI:10.21638/spbu19.2020.205
11. *Заворина М. Л.* Эпирская традиция в поздневизантийской архитектуре Северной Македонии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 468–479. DOI: 10.18688/aa2111-04-36
12. *Заворина М. Л.* Церковь Богородицы Захумской близ Охрида. Ретроспективные тенденции поздневизантийской архитектуры // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 824–841. DOI: 10.18688/aa2212-10-66
13. *Заворина М. Л., Мальцева С. В.* Фасадный декор в эпирской архитектурной традиции: единство принципов и многообразии средств // *Вопросы всеобщей истории архитектуры / Гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян.* — 2021. — № 2 (17) — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — С. 99–113.
14. *Захарова А. В., Дятлова Е. С.* О строителях и художниках, работавших в македонском Прилепе в конце XIII века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* — 2020. — Т. 28, № 2. — С. 46–72.
15. *Захарова А. В., Мальцева С. В.* Приделы в сербских храмах эпохи Душана Сильного (1331–1355) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* — 2013. — № 3. — С. 125–144.
16. *Захарова А. В., Мальцева С. В.* Художественные традиции и церковно-политическая идеология в искусстве Македонии в эпоху создания Охридской архиепископии // *Византийский временник.* — 2022. — Т. 106. — С. 174–199.
17. *Кораћ В.* Свети Сава и програм Рашког храма // *Измеђ у Византије и Запада: одабране студије о архитектури.* — Београд: Просвета, 1987. — С. 145–156.
18. *Кораћ В.* Свети Арханђели, Душанов царски маузолеј // *Глас САНУ. Одељење историјских наука.* Књ. 10. — Београд, 1998. — Књ. 10. — С. 191–201.
19. *Кораћ В.* Споменници монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. — Београд: Полиграф, 2003. — 341 с.
20. *Кораћ В., Шупут М.* Архитектура византијског света. — Београд: Просвета, 2005. — 425 с.
21. Краљ Милутин и доба Палеолога: историја, книжевност, културнонаслеђе : књига резимеа / Међународни научни скуп, 24.–26. октобар 2021, Скопље. — Скопје: Српски културно информативен центар Спона, 2021. — 276 с.
22. *Максимовић Љ.* Владарска идеологија у српској држави и подизање Студенице // *Византијски свет и срби.* — Београд: Историјски институт, 2009. — С. 113–131.
23. *Мальцева С. В.* Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Византийские истоки и становление сербских региональных традиций // *Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII.* — СПб.: Изд-во ГЭ, 2010. — С. 282–299.
24. *Мальцева С. В.* Значение приделов в формировании региональной традиции в сербской средневековой архитектуре // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 1 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — СПб., 2011. — С. 63–68.
25. *Мальцева С. В.* Некоторые проблемы изучения однефных купольных построек на примере средневековой сербской архитектуры // *Seminarium Bulkinianum. III: К 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина.* — СПб.: Каламос, 2012. — С. 42–57.
26. *Мальцева С. В.* Приделы в сербских храмах XIII — первой половины XIV вв. // *Византийский временник.* — 2012. — Т. 71. — С. 177–199.
27. *Мальцева С. В.* Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой.* — СПб.: НП-Принт, 2016. — С. 185–196.
28. *Мальцева С. В.* Храмовое зодчество Моравской Сербии и основные направления архитектуры палеологовского периода // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей.*

- Вып. 7 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. — С. 301–320. DOI: 10.18688/aa177-2-30
29. Мальцева С. В. Монастырская архитектура эпохи святых Наума и Климента Охридских в контексте храмового зодчества первого Болгарского царства и архитектурных традиций византийских провинций IX–XI веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 809–828. DOI: 10.18688/aa200-7-75
30. Мальцева С. В., Захарова А. В. Стара руска и српска црквена архитектура XI–XIII века: видови трансформације византијских образаца // Зборник Матице српске за ликовне уметности. — 2020. — Т. 48. — С. 13–29.
31. Мальцева С. В., Фрезе А. А. Базилики XI–XII веков в Македонии // Византийский Временник. — 2021. — Т. 105. — С. 179–203.
32. Мальцева С. В., Фрезе А. А. Строительство в Северной Македонии в период возвращения под византийское владычество // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 422–436. DOI: 10.18688/aa2111-04-33
33. Мальцева С. В. Церковь Успения Богородицы в Грачанице: квинтэссенция палеологовского стиля или шедевр сербской архитектуры? // Seminarium Bulkinianum. V. К 85-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. — СПб.: ИПЦ СПбГУ ППД, 2022. — С. 47–57.
34. Марјановић-Душанић С. Свети краљ: Култ Стефана Дечанског. Београд: Балканолошки институт Српске академије наука и уметности, 2007. — 657 с.
35. Марјановић-Душанић С., Војводић Д. Образ царства — идеја и слика власти у Србији (1299–1371) // Сакрална уметност српских земаља у средњем веку / Ред. Д. Војводић, Д. Поповић. — Београд: Службени гласник, 2016. — С. 299–316.
36. Марковић М. Свети Никита код Скопља: Задужбина краља Милутина. — Београд: Службени гласник Философски факултет, Институт за историју уметности, 2015. — 375 с.
37. Мичета Л. Краљ Милутин: Биографија светог српског краља. Београд: Марго–Арт, 2016 — 236 с.
38. Немыкина Е. А. Портреты ктиторов и правителя во фресковых ансамблях времени Душана Сильного // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 799–808. DOI: 10.18688/aa200-7-74
39. Немыкина Е. А. Трансформация идеологии Неманичей в памятниках эпохи Милутина (1282–1321) на завоеванных македонских территориях // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2020. — № 1. — С. 89–106. DOI: 10.21638/spbu19.2020.206
40. Немыкина Е. А. Имперская идеология в задужбинах Душана Сильного и его вельмож в Македонии // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 492–500. DOI: 10.18688/aa2111-04-38
41. Ненадовић С. Богородица Левишка: њен постанак и њено место у архитектури милутиновог времена. — Београд, Народна књига, 1963. — 288 с.
42. Ненадовић С. Душанова задужбина Манастир Светих Арханђела код Призрена. — Београд: Научно дело, 1967. — 120, XCIV с.
43. Николовска С. Изградени и обновени манастири и цркви от кралот Милутин // Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1977. — 161 с.
44. Панић Д., Бабић Г. Богородица Левишка. Приштина–Београд: Српска књижевна задруга, 2007. — 298 с.
45. Поповић Д. Српски владарски гроб у средњем веку. — Београд: Институт за историју уметности Филозофског факултета, 1992. — 214 с.
46. Снегаров И. История на Охридската архиепископия. Т. 1. От основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците. София: Акад. изд. «М. Дринов», 1995. — 347 с.
47. Станковић В. Краљ Милутин, 1282–1321. Београд, 2012 — 164 с.
48. Тодић Б., Чанак-Медић М. Богородица Левишка. — Београд: Просвета, 1993. — 248 с.
49. Тодић Б. Старо Нагоричино. — Београд: Просвета, 1993. — 248 с.
50. Тодић Б., Чанак-Медић М. Манастир Дечани. — Београд: Музеју Приштина, 2005. — 536 с.

51. *Тирковић С.* Унутрашња политика краља Милутина // Историја српског народа. Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). — Београд, 1981. — С. 462–475.
52. *Турчић С.* Грачаница: Историја и архитектура. — Београд; Приштина: Просвета–Јединство, 1988. — 278 с.
53. *Фрезе А. А.* Галереи и придели в архитектуре Фессалоник VIII–XII веков. Основные вопросы изучения // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 77–90. DOI: 10.18688/aa2212-01-04
54. *Хаџитрифонос Е.* Приступ типологији петокуполних цркава у византијској архитектури // Саопштења. — Т. XXII–XXIII. — Београд, 1991. — С. 41–75.
55. *Химонулу М. В.* Палеологовска Верия, провинцијални центар и његови споменици. Мраморни декор Старе митрополије као могући заказ хришћанских представитеља селџујског династије // Актуалне проблеме теорије и историје искуства: сб. науч. студија. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 268–284. DOI: 10.18688/aa2111-02-22
56. *Шунут М.* Манастир Бањска. — Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 2004. — 48 с.
57. *Bogdanović J.* Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of ‘Building Schools’: An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje // *Byzantinoslavica*. — 2011. — Vol. 69/1–2. — P. 219–266.
58. *Ćurčić S.* The Twin-Domed Narthex in Paleologan Architecture // *ЗРВИ*. — Т. 13. — Београд, 1971. — С. 333–344.
59. *Ćurčić S.* Architecture in The Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century // Дечани и виантијска уметност срединном XIV века. — Београд; Приштина: Јединство, 1989. — P. 55–68.
60. *Ćurčić S.* The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans // *DOP*. — 2003. — Vol. 57. — P. 65–84.
61. *Ćurčić S.* Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550). London; New Haven, Yale University Press Publ., 2010. — 914 p.
62. *Ćurčić S.* The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300 // *Αφιέρωμα στον ακαδημαϊκό Παναγιώτη Α. Βοκοτόπουλο*. — Αθήνα, 2015. — P. 127–140.
63. *Korać V.* L'architecture de Dečani, tradition et innovation // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Међународни научни скуп поводом 650 година манастира Дечана. Септембар 1985. — Београд: «Јединство» Приштина, 1989. — С. 149–157.
64. *Maltseva S. V., Zavorina M. L.* Late Byzantine Architectural Ceramics of Epirus and Macedonia // *Proceedings of the International Conference SmartArt — Art and Science Applied*. Faculty of Applied Arts, Belgrade. — Vol. 2 (2022). — P. 38–58. DOI: 10.18485/smartart.2022.2.ch2
65. *Millet G.* L'ancien art serbe. Les églises. — Paris: E. de Boccard, 1919. — 208 p.
66. *Sinos S.* Mistra // *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst / Hrsg. von K. Wessel, M. Restle*. — Bd VI. — Stuttgart, 1999. — S. 380–518.
67. *Velenis G.* Thirteenth-Century Architecture in the Despotate of Epirus: The Origins of the School // *Studenica et l'art byzantine au tour de l'année 1200*. — Beograd, 1988. — P. 279–284.
68. *Vocotopoulos P.* Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences // *Зорграф*. — Београд, 1998–99. — № 27. — С. 72–92.
69. *Vocotopoulos P.* Church Architecture in Thessaloniki in the 14th Century. Remarks on the Typology // *L'Art de Thessalonique et des pays balcaniques et les courants spirituels au XIVe siècle / Ed. R. Samardžić*. — Belgrade: SANU, 1987. — P. 107–117.
70. *Βελένης Γ.* Η βυζαντινή αρχιτεκτονική της Θεσσαλονίκης. Αισθητική προσέγγιση // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρη Κίτσα. Θεσσαλονίκη, 2001*. — Σ. 1–25.
71. *Παπαδοπούλου Β. Ν.* Η βυζαντινή Άρτα και τα μνημεία της. — Αθήνα: Υπουργείο πολιτισμού, 2002. — 168 σ.

Название статьи. Строители Милутина и Душана как проводники имперской идеологии в Македонии

Сведения об авторе. Мальцева, Светлана Владиславовна — кандидат искусствоведения, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. Старший научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), ул. Душинская, 9, Москва, Российская Федерация, 111024. s.maltseva@spbu.ru ORCID: 0000-0002-6172-8578

Аннотация. В своих проектах сербские правители ориентируются на яркие образцы культурно-политических центров Византии (Константинополь, Арта, Салоники, Мистра). Отсюда происходит часто встречающееся в этот период пятиглавие, рассматриваемое заказчиками в качестве концепции храма столичного образца. Новые политические условия, мирный договор с Византией (1299) открывают возможности сербским заказчикам задействовать византийских строителей для осуществления масштабного церковного строительства и перестройки старых греческих церквей. При этом характер воплощения этих проектов во многом определяется первоначальных построек и региональными традициями приглашенных зодчих. В этот период византийские формы часто совмещаются с архитектурной спецификой рашского варианта, что приводит к созданию оригинальных решений. К воспроизведению отдельных византийских архитектурных парадигм Салоник или Константинополя сербское строительство не сводилось.

Ключевые слова: сербская архитектура, поздневизантийская архитектура, Милутин, Душан Сильный, Северная Македония

Title. The Builders of Milutin and Dušan as Agents of Imperial Ideology in Macedonia⁹

Author. Maltseva, Svetlana V. — Ph. D., associate professor. St Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7–9, 199034 St Petersburg, Russian Federation; senior researcher. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Dushinskaya ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation. s.maltseva@spbu.ru ORCID: 0000-0002-6172-8578

Abstract. Serbian rulers in their projects were guided by the examples of the cultural and political centers of Byzantium (Constantinople, Arta, Thessaloniki, Mystra). This is why the five-domed type churches considered by customers as a concept of a metropolitan-style church are often found during this period. New political conditions and a peace treaty with Byzantium (1299) opened up opportunities for Serbian customers to use Byzantine builders in large-scale church construction and reconstruction old Greek churches. The nature of the implementation of these projects was largely determined by the configuration of the original buildings and the regional traditions of the invited architects. During this period, Byzantine forms were often combined with the architectural specifics of Raška region, which led to the creation of original solutions. Serbian architecture cannot be reduced to just coping certain Byzantine architectural paradigms of Thessaloniki or Constantinople.

Keywords: Serbian architecture, Late Byzantine architecture, King Milutin, Stefan Dušan, North Macedonia

References

Atanasovski A. Ohrid Archbishopric in the 14th Century. *Annual Proceeding of the Faculty of Philosophy*, 2003, vol. 56, pp. 31–46 (in Macedonian).

Bogdanović J. Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools': An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje. *Byzantinoslavica*, 2011, vol. 69/1–2, pp. 219–266.

Čanak-Medić M. *Sveti Ahilije u Arilju (The Church of St. Aheil in Aryl'e)*. Beograd, Poligraf Publ., 2002. 356 p. (in Serbian).

Cheimonopoulou M. V. Palaeologan Veria: A Peripheral Center under the Perspective of Its Monuments The Case of the Marble Decoration from the Old Metropolitan Cathedral as a Possible Donation by Christian

⁹ This research was funded by the Russian Scientific Fund, project 20-18-00294 "Artistic Traditions and Ecclesiastic-Political Ideology in the Medieval Architecture and Art of the Balkans. Macedonian Question".

Members of the Seljuk Dynasty. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles, vol. 11*. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 268–284. DOI: 10.18688/aa2111-02-22

Čirković S. *Internal Politics of King Milutin. History of Serbian People. From the Earliest Times until the Battle of Maritsa (1371)*. Belgrade, 1981, pp. 462–475 (in Serbian)

Čurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550)*. London; New Haven, Yale University Press Publ., 2010. 914 p.

Čurčić S. Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century. *Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid. 14th Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650th Anniversary of Dechany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp. 55–68.

Čurčić S. *Gračanica: Istorija i arhitektura (Gracanica: History and Architecture), vol. 1*. Beograd, Priština; Prosveta, Jedinstvo Publ., 1988. 278 p. (in Serbian).

Čurčić S. *The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia around 1300. Collection of Articles in Honor of Academician Panayotis L. Vocotopoulos*. Athens, 2015, pp. 127–140.

Čurčić S. The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans. *Dumbarton Oaks Papers*, 2003, no. 57, pp. 65–84.

Čurčić S. The Twin-Domed Narthex in Paleologan Architecture. *Zbornik radova Vizantološkog instituta (Proceedings of the Byzantine Institute)*, no. 13. Beograd, 1971, pp. 333–344.

Davidov Temerinski A. *Bogorodica Ljeviška u Prizrenu (Our Lady of Ljeviska in Prizren)*. Belgrade, Republički zavod za zaštitu spomenika kulture Publ., 2017. 79 p. (in Serbian).

Freze A. A. Ambulatories and Chapels in the Churches of Thessaloniki of the 8th–12th Centuries: The Main Approaches to the Research. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 12*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 77–90. DOI: 10.18688/aa2212-01-04 (in Russian).

Gabelić S. *Manastir Lesnovo. Istorija i slikarstvo (Lesnovo Monastery. History and Painting)*. Beograd, Stubovi culture Publ., 1998. 306 p. (in Serbian).

Grozdanov C. Ohrid and the Ohrid Archbishopric in the 14th Century. *History*, 1980, vol. 16.1, pp. 157–187 (in Macedonian).

Gusev N. S. The Macedonian Question in the Coverage of Serbian and Bulgarian Propaganda in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 10*. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, pp. 740–754. DOI: 10.18688/aa2007-70 (in Russian).

Hadžitрифос E. Approach to Typology of Five-Domed Churches in the Byzantine Architecture. *Saopštenja*, 1991, no. 22–23, pp. 41–75 (in Serbian).

King Milutin and the Palaeologan Age: History, Literature, Cultural Heritage, International Scientific Conference, 24–26 October 2021, Skopje. Skopje, Serbian cultural information center SPONA Publ., 2021. 276 p.

Korać V. Holy Archangels, Dushan Imperial Mausoleum. *Glas SANU. Odeljenje istorijskih nauka (Bulletin of the Serbian Academy of Sciences and Art. Department of Historical Sciences)*, 1998, vol. 10, pp. 191–201 (in Serbian).

Korać V. Architecture de Dečani, tradition et innovation. *Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid. 14th Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650th Anniversary of Dechany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp. 149–157 (in French).

Korać V. *Spomenici monumentalne srpske arhitekture XIV veka u Povardarju (Monuments of the 14th-Century Serbian Architecture in Povardarje)*. Beograd, Poligraf Publ., 2003. 341 p. (in Serbian).

Korać V. St. Savas and the Program of Raška Church. *Između Vizantije i Zapada: Odabrane studije o arhitekturi (Between Byzantium and the West: Selected Materials on Architecture)*. Beograd, Prosveta Publ., 1987, pp. 145–156 (in Serbian).

Korać V.; Šuput M. *Architecture of the Byzantine World*. Belgrade, Prosveta Publ., 2005. 425 p. (in Serbian). Maksimović L. The Government Ideology of Serbia and the Erection of Studenitza. *Vizantijski svet i srbi (Byzantium Universe and the Serbs)*. Beograd, Istorijski institut Publ., 2009, pp. 113–131 (in Serbian).

Maltseva S. V. The Church of Dormition of Virgin Mary-in-Studenitca. Byzantium Roots and the Development of Serbian Regional Traditions. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of the State Hermitage)*, vol. 53. St. Petersburg, 2010, pp. 282–299 (in Russian).

Maltseva S. V. Significance of Chapels in Forming the Regional Tradition of Serbian Medieval Architecture. Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 1. St. Petersburg, NP–Print Publ., 2011, pp. 63–68 (in Russian).

Maltseva S. V. Certain Issues of Single–Nave Domical Structures in Medieval Serbian Architecture. *Seminarium Bulkinianum III: To the 75th Anniversary of Valentin A. Bulkin*. St. Petersburg, Kalamos Publ., 2012, pp. 42–57 (in Russian).

Maltseva S. V. Side Chapels of 13th–14th Century Serbian Churches. *Vizantiiskii vremennik*, 2012, vol. 71, pp. 177–199 (in Russian).

Maltseva S. V. Western Influences in Serbian Architecture of the 14th–15th Centuries. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 6. St. Petersburg, NP–Print Publ., 2016, pp. 185–196. DOI: 10.18688/aa166-2-20 (in Russian).

Maltseva S. V. Churches of Moravian Serbia and the Main Directions of the Palaeologan Architecture. Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E.; Zakharova A. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 7. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2017, pp. 301–320. DOI: 10.18688/aa177-2-30 (in Russian).

Maltseva S. V. Monastic Architecture of the Circle of Saints Naum and Clement of Ohrid in the Context of the Church Architecture of the First Bulgarian Kingdom and the Architectural Traditions of the Byzantine Provinces of the 9th–11th Centuries. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 10. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP–Print Publ., 2020, pp. 809–828. DOI: 10.18688/aa200-7-75 (in Russian).

Maltseva S. V.; Freze A. A. Basilicas of the Eleventh and Twelfth Centuries in Macedonia. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 105, 2021, pp. 179–203 (in Russian).

Maltseva S. V.; Freze A. A. Architecture of the Northern Macedonia after Reinstallation of the Byzantine Rule. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Iu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 11. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 422–436. DOI: 10.18688/aa2111-04-33

Maltseva S. V.; Zakharova A. V. Old Russian and Serbian Church Architecture from XI to XIII Centuries: Aspects of the Transformation of Byzantine Patterns. *Matica Srpska Journal for Fine Arts*, vol. 48, 2020, pp. 13–29.

Maltseva S. V.; Zavorina M. L. Late Byzantine Architectural Ceramics of Epirus and Macedonia. *Proceedings of the International Conference SmartArt — Art and Science Applied*. Faculty of Applied Arts, Belgrade, vol. 2 (2022), pp. 38–58. DOI: 10.18485/smartart.2022.2.ch2

Marjanović-Dušanić S. *Holy King: The Cult of Stefan Decanski*. Belgrade, 2007 (in Serbian).

Marjanović-Dušanić S.; Vojvodić D. The Image of the Empire — The Idea and Image of the Government in Serbia (1299–1371). Vojvodić D.; Popović D. (eds.). *Sakralna umetnost srpskih zemalja u srednjem veku (Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages)*. Belgrade, Službeni glasnik Publ., 2016, pp. 299–316 (in Serbian).

Marković M. St. Nikita near Skopje: Endowment of King Milutin. *Official Bulletin of the Department of Philosophy, Institute of Art History, Belgrade*, 2015. 375 p. (in Serbian).

Micheta L. *King Milutin: Biography of the Holy Serbian King*. Belgrade, 2016 (in Serbian).

Millet G. *L'ancien art serbe. Les églises*. Paris, E. de Boccard Publ., 1919. 208 p. (in French).

Nemykina E. A. Portraits of Ktitors and the Ruling Sovereign in Fresco Ensembles of the Time of Dušan the Strong. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 10. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP–Print Publ., 2020, pp. 799–808. DOI: 10.18688/aa200-7-74

Nemykina E. Transformation of the Nemanich's Ideology in the Monuments of the Milutin Era (1282–1321) in the Conquered Macedonian Territories. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 2, pp. 89–106. DOI: 10.21638/spbu19.2020.206

Nemykina E. A. Imperial Ideology Expressed in the Church Architecture of the Tsar Dusan the Mighty and His Nobles in Macedonia. Zakharova A.; Maltseva S.; Stanyukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 11. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 492–500. DOI: 10.18688/aa2111-04-38 (in Russian).

- Nenadović S. *Bogorodica Leviska: Its Origin and Place in the Architecture of Milutin's Time*. Belgrade, Narodna knjiga Publ., 1963. 288 p. (in Serbian).
- Nenadović S. *Dušanova zadužbina Manastir Svetih Arhangelâ kod Prizrena (Dushanova Zadužbina St. Archangels Monastery near Prizren)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1967. 120+XCIV p. (in Serbian).
- Nikolovska S. *Monasteries and Churches Built and Restored by King Milutin. Monuments of Medieval and Modern History of Macedonia*. Skopje, 1977 (in Macedonian).
- Panić D.; Babić G. *Bogorodica Ljeviška*. Pristina; Beograd, 2007. 298 p. (in Serbian).
- Papadopoulou V. N. *I vyzantinî Arta kai ta mnimeia tis (Byzantine Arta and Its Monuments)*. Athens, Ministry of Culture Publ., 2002. 168 p. (in Greek).
- Popović D. *Srpski vladarski grob u srednjem veku (Serbian Nobility Tombs in the Middle Ages)*. Beograd, Institut za istorju umetnosti Filozofskog fakulteta Publ., 1992. 214 p. (in Serbian).
- Snegarov I. *Istoriya na ohridskata arhiepiskopiya (History of the Archbishopric of Ohrid), vol. 1*. Sofia, Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov", 1995 (in Bulgarian).
- Stanković V. *King Milutin, 1282–1321*. Belgrade, 2012 (in Serbian).
- Šput M. *Manastir Banjska (Banjska Monastery)*. Beograd, Republički zavod za zaštitu spomenika culture Publ., 2004. 48 p. (in Serbian).
- Todić B.; Čanak-Medić M. *Bogorodica Ljeviška (Our Lady of Ljeviska)*. Belgrade, 1988 (in Serbian).
- Todić B. *Staro Nagoričino*. Belgrade, Prosveta Publ., 1993. 248 p. (in Serbian).
- Todić B.; Čanak-Medić M. *Manastir Dečani (Dečani Monastery)*. Beograd, Muzej u Prištine Publ., 2005. 536 p. (in Serbian).
- Velenis G. Thirteenth-Century Architecture in the Despotate of Epirus: The Origins of the School. *Studenica et lart byzantine au tour de l'année 1200*. Beograd, 1988, pp. 279–284.
- Velenis G. The Byzantine Architecture of Thessaloniki. Aesthetic Approach. *Tribute to the Memory of Sotiris Kissas*. Thessaloniki, 2001, pp. 1–25 (in Greek).
- Vinogradov A. Yu. On the "Fluidity" of a Middle Byzantine Building Crew (on the Example of the Imperial Churches of the 1040s). Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 9*. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 275–285 (in Russian). DOI: 10.18688/aa199-2-25
- Vocotopoulos P. Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences. *Zograf*. Beograd, 1998–99, no. 27, pp. 72–92.
- Vocotopoulos P. Church Architecture in Thessaloniki in the 14th century. Remarks on the Typology. Samardžić R. (ed.). *L'Art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle*. Belgrade, SANU Publ., 1987, pp. 107–117.
- Vojvodić D. On the Presentation of proskynesis of the Byzantines before Their Emperor. *Niš i Vizantija: Zbornik radova VIII (Nis and Byzantium: Proceedings VIII)*. Niš, Niški kulturni centar Publ., 2010, pp. 259–271.
- Vojvodić D. Serbian Art from the Beginning of the 14th Century until the Fall of the State of Nemanjić. Vojvodić D.; Popović D. (eds.). *Sakralna umetnost srpskih zemalja u srednjem veku (Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages)*. Belgrade, Službeni glasnik Publ., 2016, pp. 271–297 (in Serbian).
- Voronova A. A. Features of "Byzantinization" in Serbian Architecture in the Time of King Milutin (1282–1321). *St. Tikhon's University Review, Series 5: Problems of History and Theory of Christian Art*, 2017, no. 28, pp. 26–48 (in Russian).
- Wessel K.; Restle M. (eds.). Sinos S. *Mistra. Reallexikon zur Byzantinischen Kunst, vol. 6*. Stuttgart, 1999, pp. 380–518 (in German).
- Zakharova A. V.; Maltseva S. V. Side Chapels in the Serbian Churches of Dushan the Strong Epoch (1331–1355). *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of Moscow University. Vol. 8. History)*, 2013, no. 3, pp. 125–144 (in Russian).
- Zakharova A. V.; Dyatlova E. S. On the Builders and Painters Active in Prilep, North Macedonia, in the Late 13th Century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 2, pp. 46–72. DOI: 10.21638/spbu19.2020.204 (in Russian).
- Zavorina M. L. Paleologan Architecture of Thessaloniki in the Context of the Issues of Late Byzantine Architecture: Historiographic Review. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 10*. Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, pp. 772–786. DOI: 10.18688/aa200-7-72 (in Russian).
- Zavorina M. L. Façade Decoration of Palaiologan Churches in Thessaloniki: Specificity and Evolution of the Local Approach. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no. 2, pp. 7–88. DOI: 10.21638/spbu19.2020.205

Zavorina M. L. The Tradition of Epirus in the Late Byzantine Architecture of North Macedonia. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 11*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2021, pp. 468–479. DOI: 10.18688/aa2111-04-36 (in Russian).

Zavorina M. L.; Maltseva S. V. Façade Decoration of the Tradition of Epirus: Unity of Principles and Variety of Options. Kazaryan A. (ed.). *Questions of the History of World Architecture, vol. 17*. Moscow; St. Petersburg, Nestor–Istoria Publ., 2021, pp. 99–113 (in Russian).

Zavorina M. L. The Church of Holy Mother of God Zahumska near Ohrid: Retrospective Trends in the Late Byzantine Architecture. Zakharova A. V.; Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 12*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2022, pp. 824–841. DOI: 10.18688/aa2212-10-66 (in Russian).

Илл. 105. Церковь Св. Ахилия в Арилье, Сербия, южный фасад, около 1296. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 106. Церковь Святого Никиты в Баняне (Чучер), Северная Македония, вид с юго-востока. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 107. Церковь Богородицы Левишки, Косово, южный фасад, 1306–1309. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 108. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, Северная Македония, вид с юго-востока, 1313. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 109. Церковь Св. Стефана Монастыря Баньска, Косово, 1312–1316. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 110. Церковь Успения Богородицы монастыря Грачаница, Косово, около 1321. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 111. Церковь Иоакима и Анны (Кральева) в Студенице, Сербия, вид с северо-востока, 1313–1314. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 112. Церковь Иоакима и Анны (Кральева) в Студенице, Сербия, интерьер, 1313–1314. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 113. Церковь Вознесения монастыря Дечаны, Косово, вид с юго-востока, 1330–1335. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 114. Церковь Св. Дмитрия Маркова монастыря, Северная Македония, вид с северо-востока, около 1341 и после 1371. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 115. Церковь Архангелов монастыря Лесново, Северная Македония, вид с северо-востока, 1341–1349. Фотография С. В. Мальцевой

Илл. 116. Церковь Богородицы в Магейче, Северная Македония, вид с северо-запада, 1343–1352. Фотография С. В. Мальцевой